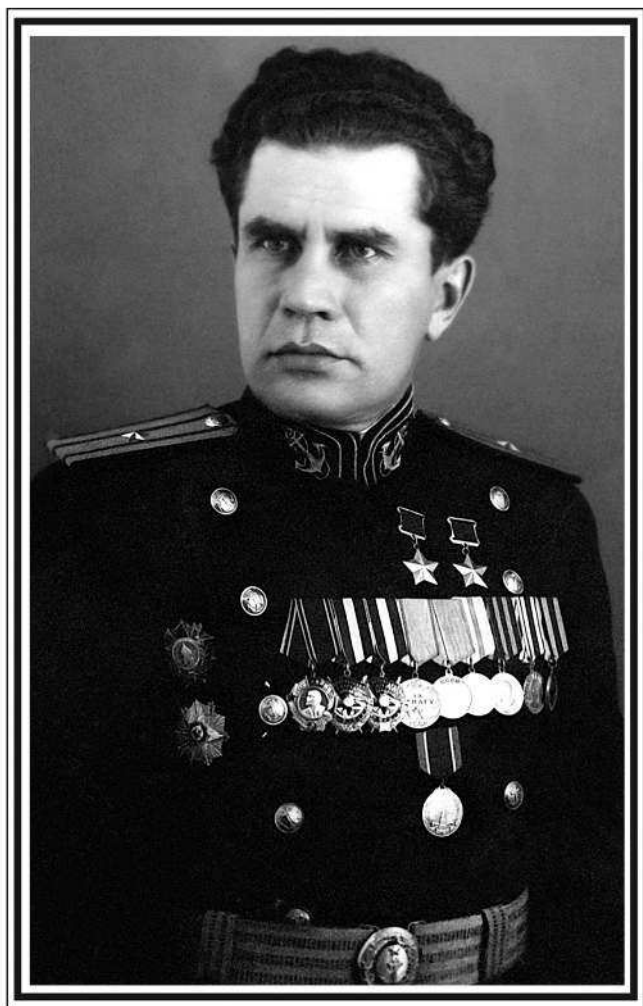

ЭПОХАЛЬНЫЕ МЕМУАРЫ

ВИКТОР
ЛЕОНОВ

РАЗВЕДЧИК
МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Виктор Николаевич.

Л47 Разведчик морской пехоты / Виктор Леонов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 320 с. — (Эпохальные мемуары).

ISBN 978-5-699-98926-3

Автор этой книги еще при жизни стал легендой советского спецназа. Пройдя путь от рядового разведчика до командира 181-го отдельного разведотряда Северного флота, свою первую Золотую Звезду Виктор Леонов получил в ноябре 1944 года за захват немецкой батареи на мысе Крестовый, а вторую – за блестящие десантные операции на Дальнем Востоке, где его «черные дьяволы» пленили тысячи японских солдат.

Операции отряда Леонова были настолько уникальны, что до сих пор многие из них засекречены, а боевой опыт отряда изучается бойцами и командирами частей специального назначения ВМФ России.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98926-3

© Леонов В. Н., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Предисловие

Легендарный разведчик Великой Отечественной войны дважды Герой Советского Союза Виктор Николаевич Леонов для моряков-разведчиков Северного флота всегда был и сегодня остается примером, достойным подражания. Действия 181-го морского разведывательного отряда специального назначения Северного флота, которым командовал Виктор Николаевич, в ходе Петсамо-Киркенесской операции по освобождению Заполярья от немецко-фашистских захватчиков положены в основу подготовки современных аналогичных подразделений как у нас в стране, так и за рубежом. Без преувеличения можно сказать, что имя Леонова известно во всем мире, и мы не вправе забыть его.

Виктор Николаевич всегда рядом с нами: с группой разведчиков, идущей по тундре в учебный выход, с бойцами, отрабатывающими приемы рукопашного боя, которые в отряде Леонова за долгие годы войны были отточены до совершенства и не раз приносили ему победу в неравной схватке с врагами. Имя легендарного разведчика носит корабль специального назначения Северного флота, спортивная школа города Полярный. Моряки-североморцы гордятся предоставленной им честью служить с именем В.Н. Леонова, быть наследниками той героической боевой славы, которую завоевал морской разведотряд, и стараются служить так, чтобы быть достойными этой славы. Имя Леонова дает прочную основу для поддержания и развития боевых тради-

ций разведки флота, воспитания нового поколения профессионалов своего дела, героико-патриотического воспитания современных разведчиков-североморцев и той молодежи, которая еще только готовится к военной службе. Дело Леонова, которому он посвятил послевоенные годы своей жизни, по воспитанию подрастающего поколения, подготовке достойных защитников своего Отечества, обучению и передаче боевого опыта живет и приносит ощутимую пользу флоту и всей стране.

Книга В.Н. Леонова «Разведчик морской пехоты» очень нужна современному флоту. Она помогает не только не растерять богатый боевой опыт обучения и воспитания воинов-профессионалов, прикоснуться к героической славе воинов-разведчиков Великой Отечественной войны, но и учит искреннему и большому чувству патриотизма, любви к своей стране и гордости за то, что вырос в России.

*Начальник управления Северного флота
контр-адмирал Ю.А. Юрлов*

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

«...Крайний Север имеет для Германии огромное значение. Там находятся разработки никеля и расположены важные военно-морские и авиационные базы, где сосредоточены подводные лодки и самолеты для действий на наших морских сообщениях. Немцы оттуда не собираются уходить...

Гитлеровское командование бросило сюда части горных егерей, прошедших специальную подготовку к действиям в холмисто-лесистой местности и имевших опыт захватнической войны на Крите, в горах Греции и Северной Норвегии. «Герои Нарвика и Крита» устремились вдоль немногочисленных дорог на Мурманск, через который поддерживалась морская связь СССР с внешним миром и где находилась база Северного военно-морского флота...

Ни ожесточенные атаки, ни частые воздушные бомбардировки – ничто не смогло сломить стойкости советских воинов... Почти три года они удерживали занятые рубежи, которые протянулись более чем на тысячу километров...»

*К.А. Мерецков. На службе народу.
Страницы воспоминаний. – М.: Воениздат, 1969*

Первые испытания

1

Войну мы встретили за шестьдесят девятой параллелью, в одной из военно-морских баз Северного флота.

Первый день войны... Почти мгновенно исчезли белые фуражки и бескозырки, столь привычные для глаз жителей портового города. Лето в разгаре, светит желанное для северян солнце, светит круглые сутки, как положено ему в этих широтах, и легкий южный ветерок обещает устойчивую погоду. Нас теперь такая погода не радует. В метеорологических сводках сказано: «Видимость ясная»,

и над базой, к Мурманску и обратно, пролетают воздушные разведчики врага. Белые чехлы головных уборов на темном фоне гранита причалов и мостовых могут нас, моряков, демаскировать. Поэтому приказано их снять.

Прошло совсем немного времени, и уже привычным кажется нудный вой сирен и обычным бесконечный

Виктор Леонов на срочной службе.
1940 г.

перестук молотков в мастерской, где мы работаем. Меня и Сашу Сенчука перевели туда с подводной лодки. Нам сказали: «Вы знаете слесарное и токарное дело, посылаем вас на боевой пост». Так мы сменили матросские робы на темно-синие рабочие спецовки и стали у верстаков.

Приказ есть приказ. Мы ему подчиняемся, хотя он никак не вяжется с нашим представлением о том, что такое боевой пост, особенно сейчас, в дни войны. Я молчу, Саша Сенчук молчать не может, а кроме меня, ему некому высказать свою обиду. После долгого утомительного рабочего дня мы укладываемся спать здесь же, в мастерской. Саше не спится.

— Нет, ты все-таки скажи! — трясет он меня за плечи. — Скажи мне, Виктор, почему рабочий класс берет оружие, а нас приставили к верстакам? Особое задание, скажешь? Приказ? Да?..

Я отмалчиваюсь, и он зло кричит над ухом:

— Дрыхнешь, черт!

Саша ходит из угла в угол, и я знаю — он еще не раз меня растормошит и будет предлагать различные планы возвращения в подплав или на худой конец ухода в морскую пехоту.

Только я об этом подумал, как Саша подбежал ко мне, резким рывком стащил с верстака.

— Идея!

В глазах Саши — радостный блеск и непреклонная решимость человека, бросающего вызов судьбе. В такие минуты Сенчук кажется красивым и сильным, хотя с виду он неказист: худощав, неширок и костляв в плечах, а его смуглое продолговатое лицо под копной смолисто-черных волос густо покрыто точечками угрей.

— Идея! — снова кричит Саша и тут же излагает свой план, который, насколько я, полусонный, еще способен понимать, заключается в бегстве с «боевого поста» на фронт, в бригаду морской пехоты.

— Скажем, что мы добровольцы! Нам простят...

Я на все согласен, только бы он оставил меня в покое

и дал хоть часок соснуть.

Наступает утро, и Саша, увлеченный делом, неистово лупит молотком по полированной головке зубила, пилит, сверлит, поражая всех своей энергией. Должно быть, он забыл о вчерашней «идее», так как убеждает меня быстрее закончить ремонт подводной лодки — тогда нас тут же вернут в экипаж. Спорить с Сашей невозможно, а верить ему хочется, хотя работы в мастерской с каждым днем прибавляется.

Начальник мастерской сухо пообещал: «В положенное время вас сменят». Мы бы, вероятно, терпели и ждали, если бы не взбудоражившая нас новость: в мастерскую прибежали друзья из подплава, три Николая и Алексей, и рассказали, что создается специальный отряд морских разведчиков для действия в тылу врага. Их, как отличных спортсменов, уже зачислили в разведотряд.

— Прозевали! — зло упрекнул меня Саша, точно я был в чем-то повинен. — Ты же разрядный лыжник и знаменитый чемпион по гонке на яхтах, — наступал он на меня, но потом круто повернулся и засыпал друзей вопросами: — А где отряд? К кому обратиться? Кому подать рапорт?

Саша досадливо поморщился, когда вперед выступил электрик Коля Даманов, Коля-один, как мы его называли. Он заикался и тем не менее был словоохотлив:

— С-саша-ша! Не кипятись! В штабе знают, что Виктор и ты — хорошие с-спортс-смены. И мы нас-счет вас скажем с-старшему лейтенанту Лебедеву из отдела разведки. Плохо только, что придется с-сменить морскую форму на пехотную. Лебедев с-сказал: под гимнастеркой пехотинца должна быть матрос-ская душа. И душа р-раз-ведчика. Вот! — многозначительно закончил Коля-один.

О душе разведчика ничего сказать не могу, но меня, признаться, удивило, что трех Николаев — Даманова, Лосева и Рябова, которых я обучал ходить на лыжах и метать гранаты, зачислили в отряд разведчиков, а про

меня забыли. Я вопросительно посмотрел на старшину первой статьи Алексея Радышевцева, с которым часто оспаривал первенство в различных соревнованиях. Алексей обнадеживающе улыбнулся:

— Отряд только формируется... Все будет в порядке.

Оказалось, что представитель штаба флота поехал в Мурманск отбирать для отряда группу комсомольцев. Другую группу пришлет Ленинградский институт физкультуры имени Лесгафта, а основной состав разведчиков будет комплектоваться из моряков.

— Народ подберется один к одному, что н-надо! — важничал будущий морской разведчик Коля Даманов. — Здесь против нас действуют отборные части Гитлера. Горные егеря. Д-дадим егерям жару..

Друзья еще раз пообещали похлопотать за нас и ушли. Мы с нетерпением ждали вечера, когда можно будет написать рапорт члену Военного совета Северного флота.

2

Если бы можно было на листочке бумаги передать обуревающие тебя чувства! Написать так, чтобы, прочитав этот листок, контр-адмирал сказал: «Откомандировать старшего матроса Виктора Леонова, третьего года службы, в отряд морских разведчиков!» Мне так не написать...

«Прошу откомандировать меня в разведотряд штаба флота»... И все? К сему — и распиться? Откуда же контр-адмирал узнает о моем стремлении и призвании служить в разведке? Я и об этом написал, но потом зачеркнул последние строчки, порвал рапорт и стал писать новый. Не мне судить о призвании, да и звучит нескромно. Я и Саша одержимы горячим желанием стать морскими разведчиками. Но желание — это еще не призвание!

Тут я вспомнил, как, еще будучи школьником, вбил

себе в голову, что призван стать поэтом. Прочитав в школьной стенгазете стихотворение семиклассника об охоте на бекасов, я решил, что могу написать лучше. Пришел домой, сел за стол и так долго сочинял стишок, что отец, не привыкший видеть меня усердно занимающимся уроками, спросил:

— Витя, чем так увлечен?

Я показал отцу начало стихотворения. Отец покровительственно улыбнулся, но, разобравшись в написанном, стал хмуриться. Наконец медленно и весьма невыразительно прочел вслух первые строки:

Когда-то был я богомолom,
Я верил в бога и царя.
Теперь же стал я пионером,
Борцом за общество труда!

— Ты это что?! — строго спросил он меня. — Когда это ты был богомолom у отца-коммуниста? И царь у тебя в голове книжный... Какой же это стих, если в нем нет правды? Читаешь много, а пишешь коряво...

Такой щелчок по самолюбию юного стихотворца не проходит бесследно. Когда Саша Сенчук помогал мне сочинять стихи о Северном море, о флотской службе, то я, как мог, сдерживал его неумный поэтический запал.

Саша продекламировал первые две строчки последней строфы:

Нам радостно встречать рассветы зоревые
И песней звонкой хочется сказать...

Что сказать? И как сказать? Саша выразительно посмотрел на меня: ждал подсказки. Долго думали...

— Нашел! — Саша хлопнул меня по спине. — То, что нужно для моряков-североморцев:

И песней звонкой хочется сказать:
«Седое море! Сопки снеговые!
Я с вами жизнь готов навек связать»...

Война еще не началась. 1937 г.

Я вспомнил прыткого богомольца из пятого «Б» класса, который сразу стал «борцом за общество труда», и рассказал об этом Саше.

— Глупости! — обиделся он. Саша не мог согласиться, что покривил душой. — Ты учти, Виктор, наш стих для всего флота.

А «для себя» мы перед войной мечтали, как вернемся после флотской службы домой — я в Зарайск, под Москвой, Саша в Киев —

и будем рассказывать о далеких плаваниях в Ледовитом океане, в котором еще не побывали, о студеном море и гранитных скалах в глубоких фьордах, о царстве вечной ночи, озаряемой всполохами северного сияния, и о многом другом, что звучит привлекательно, но с чем мы никак не собирались связывать себя навек.

Связать свою жизнь... Вот сейчас я пишу рапорт контр-адмиралу, и этот рапорт может круто повернуть мою жизнь. Надо подумать и обдумать. Еще и еще раз проверить: подготовлен ли я к трудной службе морского разведчика? Хватит ли у меня стойкости и мужества, чтобы сдержать обещание, которое рвется сейчас на бумагу: звание морского разведчика оправдаю!

Я мечтал о флоте. Когда был фабзайцем московского завода «Калибр», любил читать книги Станюковича и даже записал на память слова старого адмирала, провожающего юнца-племянника на флот: «Ты полюбишь море и полюбишь морскую службу, — говорил адмирал. — Она благородная, хорошая, а моряки прямой и честный народ». Это из книги «Вокруг света на «Коршуне». Я учился вечерами в морском клубе Осоавиахи-

Учебный отряд подводного плавания Северного флота. 1937 г.

ма¹. Занимался спортом, чтобы выдержать самую суровую проверку призывной комиссии. Врачи довольно равнодушно отнеслись к тому, что при росте 175 сантиметров я вешу 75 килограммов, имею значок ГТО второй ступени и справку активиста морского клуба Осоавиахима. Они придирчиво выстукивали и выслушивали сердце, легкие, кружили меня на каком-то вращающемся стуле, долго проверяли зрение и слух, пока наконец не вынесли приговор: годен к службе в Военно-морских силах.

Комсомольцы «Калибра», провожавшие меня в Ленинградский учебный отряд имени Кирова, дали наказ быть достойным представителем шефа Военно-морского флота и, шутя конечно, предсказывали головокружительную карьеру капитана дальнего плавания. Девушки пели песню о капитане, улыбка которого — это флаг корабля... Отец попрощался коротко:

— Служи честно, сынок!

¹ *Осоавиахим* — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Прим. ред.).